

О параметрах адаптации дискурса¹

Тексты адаптируют к условиям употребления, чтобы добиться адекватного понимания и воздействовать на мнения, установки и действия целевой аудитории. Адаптация бывает удачной в разной степени, в зависимости от того, кто адаптирует, что, для кого, в каких обстоятельствах общения, где и с помощью каких техник.

Ключевые слова: адаптация текста, интерпретация, перевод, вербальная vs. невербальная коммуникация, социология языкового поведения.

Введение

Адаптированность текста — не абсолютная оценка, а констатация практической «вписанности» в контекст, действительности в конкретных обстоятельствах. Это что-то вроде предварительного диагноза, предположение о том, «кто виноват» или «что виновато» в том, что текст вызвал неожиданную реакцию или не имел ожидаемого эффекта в конкретных обстоятельствах. Признать текст «неадаптированным», предсказуемо неуместным в конкретных коммуникативных условиях, не значит исключить его «упрямое» употребление, героически самоубийственное и нелепое, на птичьих правах инородного тела.

Соответственно, цель *адаптации* — адаптированный текст — не всегда в полной мере достигается.

В этом разделе рассмотрим параметры адаптированности переводных текстов в сравнении с оригинальными. Симптомы неадаптированности обоих видов напоминают признаки, по которым поведение человека оценивают как не полностью вписанное в культуру, небезукоризненное, даже «иностранное», однако не исключают из реальной коммуникации.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

1. Адаптация оригинальных и переводных дискурсов

Как известно (см. [Демьянков 2019: 12–17], этот текст лег в основу данного раздела), латинские прообразы терминов *приемлемость*, *уместность*, *адаптация*, *аккомодация* и *ассимиляция* содержат префикс *ad-* или его позиционные варианты *ac-*, *ap-* и *as-*: последний согласный префикса ассимилируется к начальному согласному последующей основы. В современной английской терминологии, заимствованной из романских языков, имеем, соответственно: *acceptability*, *appropriateness*, *adaptation*, *accomodation* и *assimilation*. Этот префикс обладает пространственной семантикой близости («адессивности») или приближения («аллативности»). Как уже оказывалось много раз, внутренняя форма многих подобных терминов дает о себе знать при употреблении в научном языке: профессиональное мастерство ученых начинается со знания исходного буквального смысла терминов, их «внутренней формы», на этом, впрочем, не останавливаясь. Это показывает рассмотрение того, как указанные термины употребляются в современной лингвистической литературе.

Адаптация текста — разновидность аккомодации культуры и к культуре в постоянно меняющихся условиях жизни человека. Предпосылкой для адаптации является осознание действительной или мнимой неполной приемлемости частей текста и/или неполной уместности всего текста в рамках тех обстоятельств, в которых текст должен интерпретироваться. При интерпретации текста — то есть при выявлении дискурса, «озвучивающего» последовательность языковых знаков и придающего осмысленность этой последовательности, — знания языка (составляющие «родной» предмет исследования лингвистов) тесно переплетаются со знаниями о мире — пусть по происхождению и «неродными» предметами традиционного языковедения, но с любовью усыновленными когнитивными лингвистами: для когнитивной лингвистики чужих знаний не бывает.

Неадаптированность речи к (или для) целевой аудитории заключается и в неадекватном содержании (скажем, о некоторых проблемах с детьми до поры до времени предпочитают не говорить), и в неадекватном «регистре» — стилистическом «ключе» к построению и пониманию речи.

Вот пример неадаптированной речи: «Молодой человек, проходя мимо сада, увидел у калитки пятилетнюю девочку, которая стояла и плакала. Он ласково наклонился над ней и, к моему изумлению, сказал: «Ты по какому вопросу плачешь?» Чувства у него были самые нежные, но для выражения нежности не нашлось человеческих слов» [Чуковский

1962]. По содержанию вопрос был абсолютно уместен: плачущего ребенка не грех спросить. Но вот регистр...

Этот вид регистра получил название «канцелярит».

Маленькие дети не остаются в долгу, радуя нас старомодно закрученными фразами, типа: «У меня есть веские основания полагать, что наша няня инициировала роман с дворником». Не по возрасту умные дети (*altkluge Kinder*) досрочно сдают ЕГЭ, поступают в вуз, берутся судить о мотивах поведения взрослых, но, не во всем физиологически созревшие для сопереживания некоторым мотивам старших, в своих оценках так и остаются детьми. Лексически и грамматически хорошо подкованные, они пугают взрослых выражениями со случайными смысловыми связями. Ср. слова маленькой девочки: «*Мама, я такая распутница!*». — *И показала веревочку, которую удалось ей распутать* (К. И. Чуковский, *От двух до пяти*, 1928). Ребенок всерьез воспринимает внутреннюю форму там, где взрослые давно уже привыкли к менее очевидному переносному значению.

Усилия К. И. Чуковского не пропали даром: тяга к канцеляриту в России, кажется, осталась в прошлом. На смену пришла противоположная тенденция — «антиканцелярит», боязнь выразиться по-застойному даже там, где ожидается дипломатичная нейтральность. Для сегодняшней жизни характерны обороты, нетрадиционно оживляющие даже официальные заявления, лишь бы избежать привкуса взрослости, типа: «У меня мышление юриста, несмотря на то, что я работаю президентом» (Д. А. Медведев, интервью журналисту Би-би-си Эндрю Марру 29 марта 2009 г.). А фраза *мочить в сортире* обесмертила другого автора, свободно владеющего жаргоном криминальных разборок как стандартным педагогическим приемом в работе с трудными «пацанами».

Еще с 1980-х гг. в литературе различают диалог действенный (при кооперированном соучастии автора и адресатов), эффективный (при оптимальном расходе вербальных средств для достижения требуемого эффекта) и адаптивный (не вызывающем информационных сбоев). Это уже немного другая плоскость адаптации текста, когда речевые и интерпретативные действия вытекают из предшествующих и подготавливают будущие действия [Apostel 1980: 261]. Действенность, эффективность и адаптивность входят в «межличностную компетенцию» [Spitzberg, Supach 1984], особенно важную при выборе собеседника в качестве достойного адресата и/или надежного источника сведений [Sass 1994: 153].

По ходу «языковой деятельности» (сосюрской *langage*) попутно затачивается и инструмент — языковая система (*langue*, в частности, грамматика и лексика), на которую воздействуют «внутренние» (со стороны

элементов этой системы) и «внешние» (социальные, в частности, инокультурные) факторы. Адаптивная новация (*adaptive innovation*) и адаптивное изменение (*adaptive change*) — результаты внешнего вмешательства, в противоположность эволюционным (*evolutive*) новации и изменению, результатам давления внутри системы языка [Lightfoot 1979: 381]. Адаптивные новации модифицируют отношения между языком как *langue* и иными аспектами коммуникативной системы, когда новые предметы или понятия (скажем, кварки или лазеры) получают свое название [Lightfoot 1979: 348].

Адаптируясь к нуждам пользователя, язык позволяет давать предварительные именованья нечетко прорисованным понятиям, но эти названия прирастают к понятиям даже после самых глубоких уточнений. И. В. Гете считал, что в момент рождения слово помогает преодолевать несовершенство идей [Veale, Brône, Feyaerts 2015: 1], которые от частого упоминания кристаллизуются и оттачиваются.

Примеры адаптации одновременно *langage* и *langue* дает переписка К. Маркса и Ф. Энгельса, в которой английские вкрапления адаптируют текст к иноязычному окружению авторов в незакостенелых «узлах переключения кодов» (*switching junctures*), но усложняют доступ для посторонних [Ferguson 1997: 55].

Адаптация чужого не бывает полной. Из-за трудностей перевода реалий и поэтических особенностей оригинала вместо безукоризненно гладкого текста переводчик выдает «на-гора» комментарий с извинением за вынужденную неряшливость, за привкус инокультурности, за нарушения языковых и литературных норм целевой культуры [Weinberger 2013: 18]. Подобные изъяны прощают переводным текстам скорее, чем оригинальным. Разбитую вазу гостям прощают легче, чем своим.

В отличие от языкового планирования и «модернизации языка», адаптация предполагает осознанные, неосознанные и незапланированные действия коммуникантов не только в настоящем, но и в прошлом [Coulmas 1989: 1], причем под давлением внешних — функциональных — причин, не связанных напрямую с внутренними факторами языковой системы [Coulmas 1989: 2]. Подвижки в адаптации языковое сообщество часто замечает только по прошествии определенного времени, проявления ее типичны и трактуются как стремление к единообразию, точности, элегантности, чистоте формы, соответствию литературным традициям и усовершенствованию за счет создания новых именованний [Coulmas 1989: 21].

При взаимодействии людей, впрочем, границы между внешними и внутренними факторами очень условны.

Адаптацию текста можно представить как переговоры (*negotiation*), чаще завершающиеся компромиссом [Eco 2003: 6], а не открытием бое-

вых действий. Представление о букете параметров адаптации дает прагматическая формула: **Кто адаптирует, что, для кого, в какой ситуации и с помощью каких приемов.** Соответственно, различаются: субъект, объект, целевая аудитория, обстоятельства передачи сообщения и техники адаптации. Адаптированность текста по этим и подобным параметрам соответствует высокой степени «прагматической приемлемости», лежащей за пределами чисто языковой (в смысле *langue* — языка-системы) сферы интерпретации текста, ср. [Lang 1977: 22—23]. Кратко рассмотрим указанные параметры.

1.1. **Субъект адаптации** — адаптатор, выступающий в ролях автора, редактора, переводчика, популяризатора, пропагандиста, пародиста, «искажителя»-пересмешника и т. п.

Адаптатор-автор становится на котурны и надевает на себя такую маску, чтобы его лучше было видно в сценическом образе. Недоброжелатели же стремятся показать истинный скромный рост и незатейливое лицо автора. Когда в 2007 г. тогдашний премьер-министр Великобритании Г. Браун, то ли забывшись, то ли в результате неимоверного усилия вдруг заговорил без шотландского акцента (все уже давно привыкли, что он говорит с этим акцентом), пресса заподозрила попытку закамуфлировать провинциальность, культурную отсталость и недалекость [Garrett 2010: 1]. Но радость сарказма доступна только знающим: не всем носителям языка по плечу оценить подобные переодевания. Так, сегодня соблюдение дореволюционной нормы, допускавшей только фрикативное *z* в выражениях типа *Ради Бога* и *богатый*, но запрещавшей его в словосочетании *О греческие боги!*, вызовет разве что ацетиленовую улыбку филолога-русиста. А нарушение фонетической традиции современными нам иерархами огорчит очень немногих. Но сильно.

Границы между этими ролями зыбки и допускают совмещение профессий. Например, предложению *It snows in May* «В мае идет снег» автор в результате «саморедакторского» самоконтроля придает форму *It does snow in May* «В мае-таки снег идет» [Friedman 1979: 338], добавив *does* как маркер «утвердительной благонадежности», эвиденциальности, чтобы снять возможные сомнения. Каждая из ролей вызывает определенные ожидания, нарушение которых приводит к неожиданным результатам.

По мнению некоторых, переводчик, в сущности, — тот же редактор [Delisle 1984: 16], задача которого — не простая переупаковка смысла и пересадка текста на культурную почву, отличную от исходной, а «пересоздание» (re-creation) текста на другой планете, ср. [Belyea 1984: 46—47].

Редактор, как и переводчик, бывает и конкурентом автора. Так, даже минимальная корректировка пунктуации в тексте В. Шекспира порой

приводит к осязательному переосмыслению текста [Warren 1977: 169], а об известных стихотворениях не все догадываются, что это перевод.

Автор неблагодарный и недалёковидный воспринимает усилия редактора как вредные. А для деловитого редактора автор, без дела болтающийся под ногами, — только обуза, ср.: «Большинство моих знакомых авторов могут много рассказать о том, как им приходилось отбиваться от редакторов и собачиться с контрольными редакторами, отбирая для этого самые вопиющие случаи абсурда, прямых смысловых искажений, очевидных ошибок. Но наибольший вред бросается в глаза значительно меньше. Он состоит из мелких поправок (обычно слишком неинтересных и неброских), которые опешалят стиль автора, снижают убедительность, нейтрализуют иронию; они уничтожают ритм предложения и равновесие абзаца; они умерщвляют тот самый тон, который составляет музыку. Мне иногда это кажется оглушением. Когда этой операции подвергается хороший автор, тексты остальных авторов начинают казаться на этом фоне лишь ненамного глупее» [Gross 1990: 288].

1.2. **Объект адаптации:** на входе исходный (адаптируемый, или адаптанд), на выходе — результирующий (адаптированный, или адаптат). Модифицируется исходный текст и/или его замысел. Бывает, что сам текст, его «тело», целиком или частично воспроизводится дословно, но в обстоятельствах, отличных от исходных. Однако интерпретация текста — дискурс — при этом будет иной. Ср. транспарант «Верной дорогой идете, товарищи!» на открытом шоссе и в конце тупика.

Объектом адаптации бывает и «тело» текста, и образ автора (фактический или фиктивный), то есть, его идентичность. В борьбе за известность и/или власть сами основания для признания идентичности вызывают дискуссию. Так, споры вокруг Кончиты Вурст связаны не столько с телом песни, с качеством пения, сколько с телом исполнительницы, со сценическим и околосценическим образом, с антиадаптированностью самопрезентации к нормам улюлюкающего большинства [Scheller-Boltz 2017: 13]. Эта провокационная аккомодация «от противного», судя по резонансу и коммерческому успеху, оказалась удачной.

Проявлением самоидентифицирования является и переключение кодов русских американцев в известном произведении: «Я вам, сэр, назначаю апойнтман. / Вы знаете, кажется, мой апартман? / Тудой пройдете четыре блока, / потом сюдой дадите крен. / А если стриткара набита, около / можете взять подземный трен» (В. В. Маяковский, Американские русские).

В средние века, переписывая стихотворное произведение на чужом диалекте, по мере сил пытались адаптировать текст к вкусам и языковой компетенции целевой аудитории, добавляя от себя «на добрую па-

мять» фрагменты, имитирующие рифму и стиль оригинала, см. [Mulken 1995: 166—167]. В российской филологии в этой связи различают извод и редакцию: «изменения орфографические и языковые говорят за извод, изменения же стилистические — за стилистическую редакцию, если же имеются и изменения идейного характера, то перед нами, очевидно, новая редакция, а не новый извод» [Лихачев 1983: 141].

Внутренние формы английских терминов *appropriation* «присвоение» и *appropriateness* «уместность» не случайно столь близки: адаптатор образа автора хотя бы на мгновение присваивает себе лавры, если не из чистого честолюбия, то для достижения уместности. Субъективное присвоение (*subjective appropriation*) представляет собой одно из направлений философствования — в духе Киркегора, — когда суждение философа принимается за несомненную мыслительную данность [Thomas 1994: 77].

Французскому прилагательному *approprié* словаря приписывают одновременно семы собственности («присвоенный»), уместности («соответствующий, надлежащий») и адаптированности («приспособленный»), наводя философов на мысль о том, что объектом присвоения бывает и сам язык в составе «языка другого» [Derrida 1986: 191—192]. Это результат омонимии во французском языке, когда выражение *je m'approprié et j'approprié la langue* одновременно означает и привычное «я приспособляюсь и приспособляю свой язык», и экспериментальное «я приспособляюсь и присваиваю себе язык».

1.3. Целевая аудитория, которая может стать и объектом манипуляции. Наиболее популярным направлением адаптации текстов является «упрощение» (не усложнение) содержания и формы произведения, чтобы не только взрослые могли получить удовольствие от чтения. Так создаются адаптированные версии шедевров мировой литературы для детей и юношества, типа «Робинзон Крузо» и «Гаргантюа и Пантагрюэль», исходный текст которых шокирует даже все почитавшего на своем веку взрослого. Адаптация «Эмманюэль», «Золотого осла» и «Сатирикона» порадует скоро и детсадовцев младших групп.

Другое направление — адаптация для тех, кто не в совершенстве владеет языком произведения. Тогда очень полезны пристраичные лексические, грамматические и страноведческие комментарии, которыми славились издания шедевров современной зарубежной литературы на языке оригинала, вышедшие в свое время в издательстве «Прогресс».

1.4. Обстоятельства и/или условия адаптации, к которым относятся время, место и атмосфера передачи текста или дискурса, фон знаний, желаний, ожиданий и оценок [Dijk 1981: 20]. Ностальгическая фраза *А у нас в тюрьме сейчас дают макароны* в кино звучит уместнее, чем

ситуационно ущербное восклицание *У нас здесь в Австралии роскошное лето*, услышанное в Эдинбурге в разгар зимы, см. [Lyons 1977: 578—579]. Адаптация по этому параметру вместо *здесь в Австралии* дает *там в Австралии*, восстанавливая баланс дейктической уместности. Следя за маршрутами передвижения героя книги или кинофильма, читатель становится соучастником адаптации и реадaptации лирического героя к пространственно-временным перипетиям, см. [Baumbach, Michaelis, Nünning 2012: 3].

1.5. **Техники адаптации** — действия, производимые над объектом: модификация замысла, готового текста, инсценировка подачи объекта в нужном освещении, детализация или отказ от деталей, даже выбор маски и жестов для автора. Чисто формально эти техники состоят в добавлении, удалении и переупорядочении, вписывающих текст в «риторическую ситуацию» [Sommers 1985: 151]. Иногда адаптированный текст и «реадаптируют».

Допустимость адаптации оценивается на фоне социальных установлений, систем знаний (в том числе, исторических и научных фактов, которые не принято подвергать в данном обществе сомнению [Mailloux 1982: 113]) и идеалов, которых эти системы предписывают придерживаться, — «идеологий». Именно о всеобязательных знаниях идет речь в следующем диалоге, который часто любил цитировать Ю. С. Степанов: «Я недавно прочитал, что Англия, оказывается, не полуостров, а остров!» — «Ну что ты, это было бы известно!»

Различаются: (1) адаптация по ходу создания нового текста и (2) адаптация уже готового текста.

При адаптации по ходу создания нового текста автор опирается на шкалу норм, на одном полюсе которой общество, без репрессий допускающее лишь повторение канонических истин в канонических же обстоятельствах; даже официоз в неподобающих обстоятельствах может привести к обвинению в профанации: ср. надпись *Слава КПСС!* и исполнение гимна страны в уместном окружении, в «местах общего пользования» и в лирически-интимной обстановке: *Мы выпили «за миру мир», за «солидарность со странами третьего мира», за кубинскую революцию и Фиделя Кастро (отдельно), за Николае Чаушеску и в его лице — за лидеров всех стран социалистического лагеря...* (Георгий Данелия, Безбилетный пассажир, 2002). На другом полюсе — полная безответственная отсебятина.

А при адаптации готового текста — например, при редактировании и переводе (устном или письменном), — один (готовый) текст трансформируется в другой, отличный по телу, но конгруэнтный по значению [Bell 1984: 73]. При редактировании последнее слово за автором, дающим

согласие на публикацию текста в новом облике. А при переводе последнее слово остается за переводчиком.

Разумеется, социальное окружение исходного текста может резко отличаться от контекста, к которому и в котором происходит адаптация. Так, знания и идеология автора отличаются от знаний и идеологии враждебно настроенной целевой аудитории. Редактура и перевод текста могут опираться и на историю более ранних версий того же текста, и даже на историю переводов на другие языки (поучительный пример — Священное писание).

Богатый опыт в этой области доказал полезность правил, позволяющих избежать неконгруэнтности: надо стремиться не удалять и не вставлять показатели утверждения, остранения, отрицания, фокуса и агенса, избегать реверсии переходных конструкций, не «округлять» указаний времени и места, не добавлять дейксиса, ср. [Bell 1984: 108—110]. Словом, руками не трогать.

Передача тональности текста — сохранение нейтральной подачи, трагизма, юмора, ироничности, полемичности и т. п. — «высший пилотаж» при адаптации текста, особенно при переводе [Delisle 1984: 202]. Недаром У. Эко полагал, что понятие «верность оригиналу» (*faithfulness*, а при желании, *loyalty, devotion, allegiance, piety* по отношению к тексту) — «[...] результат представления, что перевод — разновидность интерпретации и что (даже при учете культурных привычек целевых читателей) переводчики должны стремиться к передаче намерений если и не автора (уже порой несколько тысячелетий назад ушедшего из этого мира), то текста — того самого намерения текста, которое рождается в результате интерпретаторских усилий со стороны читателя, критика или переводчика» [Есо 2003: 4]. Но «точности» (*exactitude*) от перевода даже и не стоит ждать [Есо 2003: 192].

К этим техникам относятся также добавление и устранение фигур речи. Почувствовав, что текст следует понимать не буквально, аудитория пытается вычислить грайсовские импликатуры [Bergmann 1982: 239] на свой страх и риск, попутно оценивая степень их уместности. Злоупотребление же метафорами [Aylwin 1985: 175] вызывает замешательство читателя от «сумбура вместо музыки».

2. Неполная адаптация: иноязычие и инокультурие

Неполная адаптация текста и его автора к обстоятельствам речи, как кукиш в кармане, освобождает коммуникацию и самого поэта от «тяжких оков» адекватности, позволяя «уйти от действительности» куда подальше

ше (см. статью [Демьянков 2020: 81—88], частично воспроизводимую далее). Став «иностранцем» в родном краю, поэт, как диссидент, смотрит остраненно на происходящее вокруг, ср.: *И Саньке совсем стало казаться, что он отделился от всех этих людей, смотрит как иностранец на чужую беготню, как мудрый и добрый иноземец* (Б. С. Житков, Виктор Вавич, 1934).

Про речь в минуты такого «миропомешательства» говорят как о языке макароническом и даже «утопическом», соответствовавшем нашему заумному (М. А. Кузмин, Парнасские заросли, 1923). Ведь «утопический» — нигде не существующий в реальном мире. Ср.: *Мережковский — типичный иностранец, не по происхождению, а по природе, сделавшей его как бы помимо воли чужим России* (Б. Садовской (1881—1952), Лебединые клики); *Так или иначе, но в Москве мне слишком часто приходилось чувствовать себя иностранцем* (В. Н. Войнович, Антисоветский Советский Союз, 1992).

Каковы презумпции носителей языка относительно иноязычия в русской речи? «Социология дискурса» выявляет подсознание культуры, выбалтывающей больше, чем говорящий хотел бы сообщить. И вот что показывает анализ употребления лексем *иностранец*, *иностранка* (а также архаичных *иноземец*, *иноземка*) и *акцент* в большом корпусе русских текстов XVIII—XXI вв.

В российской культуре вообще статус иностранца, приехавшего к нам «на побывку», маркирован, по умолчанию, позитивно. Привилегированность «иностранца как класса» входит в дежурные презумпции очень многих высказываний, встречаемых в русской литературе последних веков; чего стоит ходячее и завистливое *Такой молодой, а уже иностранец!* Напр.: *Друзья из русских объяснили ему, что с князем шутить нельзя, хотя бы и иностранцу...* (Е. А. Салиас, Ширь и мах: Исторический роман в 2-х частях, 1885). Это *хотя бы* и выдает презумпцию «иностранцу по праву позволительно больше, чем своему».

Остраненный взгляд диссидентской литературы советского периода продолжает эту традицию, ср.: *Он вступил в партию, куда, как иностранец, был принят в те времена с распростертыми объятиями, и начал делать карьеру, спекулируя на самоопределении наций* (Б. Ширяев, Неугасимая лампада, 1954). Разница между своим и чужим была как между бюджетными мясными консервами «завтрак туриста» и роскошным завтраком интуриста.

Парадоксально, но факт — далекое ближе к истине, чем близкое, ср.: *И люди там застенчивы и мудры, / И небо там, как синее стекло* (А. Н. Вертинский, Палестинское танго). Типовому бесхитроственному «чужому» в качестве эксперта в научных и этических проблемах доверя-

ют больше, чем «своему», ср.: *Извините, пожалуйста, — с преувеличенным акцентом сказал Нейл (иностранцы в этом городе вызывали больше доверия, чем свои)* (А. Таманцев, Псы господни, 2000). Аргумент, вводимый словами *во всем мире и нигде в мире* в пользу того или иного положения дел, опирается на презумпцию, что «там люди во всем разбираются лучше, чем у нас» и часто бывает решающим в споре о том, как нам улучшить нашу российскую жизнь.

Вместе с тем, среди привилегий иностранца — и необязательность понимать «российскую действительность», и не вполне адекватное в ней существование. Многочисленные свидетельства этому находим в литературе ХХI в. и в виде утверждений, и в виде презумпций, ср.: *Редькин посмотрел на него и сказал: — Ну, ты чистый иностранец* (Г. Петров, Рассказы). Упреки по этому поводу редки, да и то, если иностранец не освоился, даже прожив в России достаточно долгое время: *Ваше сиятельство, хотя вы иностранец, а русских обычаев не знать стыдно* (А. Н. Толстой, Барон, 1912).

Вернувшись из-за границы домой, россиянин ожидает инерционно-го всепрощения на родной земле: *Я только что приехал и вообще вроде как иностранец* (В. Н. Войнович, Москва 2042). Вспомним из одесского фольклора: *Он был для нас почти что иностранец...* Ситуация, когда «свой» («советоид») пытается имитировать поведение иностранца, перенявшего, в свою очередь, русские обычаи, можно назвать «свой как не свой» (с запятой или без запятой перед как). Напр.: *Она легко сбежала с крыльца, и мы троекратно, как принято среди уважающих русские обычаи иностранцев, облобызались* (В. Н. Войнович, Москва 2042).

Одеваться с шиком, хорошо выглядеть и владеть красивыми вещами — типовая черта иностранца и в классической русской литературе, и в современной: *Уж какой из себя видный, точно иностранец* (А. Н. Островский, Последняя жертва, 1877); *Все они были прекрасны, как иностранцы, — красивые, нарядные, упитанные* (Л. Е. Улицкая, Искренне ваш Шурик, 2004). Типовая необычность внешнего вида заключается не только в броскости, но и в аккуратности и опрятности: *А смотреть приятно на них, на иностранцев: суденышки хотя и мельче наших, но ходят прибранные, борта у них лаком блестят — синие, оранжевые, зеленые, красные, рубка — белоснежная, шлюпки с моторчиками так аккуратно подвешены* (Г. Н. Владимов, Три минуты молчания, 1982).

По этим чертам, как милого по походке, даже без слов, в момент распознают у нас иностранца. Напр.: *И одеждой, и точными движениями он походил на иностранца* (А. Н. Толстой, Хождение по мукам, 1922—1928—1941). Выдают этого «милого» — иностранца — не только жесты, но и предательски хорошие манеры — то, что со времен СССР называ-

ется «культурностью». Иное вызывает возмущение: *Что за бескультурье, удивляется пекарь, а еще иностранец!* (М. Веллер, Американист, 2008). Ср. в других контекстах: *А еще шляпу надел!*

По переносу, начиная с 1920—30-х гг., там, где ступает нога иностранца, все должно выглядеть пристойно: благоприятное впечатление идет на экспорт; поэтому обвинением в подрыве «репутации отечества» является: *Тут иностранцы ходят, а вы беспорядок устраиваете* (И. Ильф, Е. Петров, Театральная история, 1935). Иностранцы в таком контексте — не дети, которым взрослые должны подавать хороший пример (ср.: *Тут дети ходят...*), а лазутчики, которые доложат куда надо (а еще хуже, и куда не надо) о том, какой у нас беспорядок и какие мы... простые.

Нарушение экстерриториальности иностранца вызывает неподдельный «когнитивный диссонанс»: *А вчера своими глазами видела, на улице Горького простые советские люди схватили и волокли в милицию иностранца* (В. Н. Войнович, Замысел, 1995). Ну как в задерживаемом опознают иностранца? По одежде, по жестам и телодвижениям, по чужеземным воплям? «Нехилую» задачу для систем искусственного интеллекта в два счета решит даже не самый интеллектуальный гражданин. По невербальным признакам он легко изобличит и обезвредит родимых в толпе: *На речном трамвайчике, вы были с компанией, стояли у борта, и вас фотографировал какой-то парень, мне показалось, иностранец...* (Е. Вильмонт, Плевать на все с гигантской секвойи, 2003).

Такое благодушное отношение к «(их) брату иностранцу» не универсально, однако есть и общие черты: *Опыт поездок в разные страны, особенно в страны слаборазвитые, его давно уже научил: натура людей и целых народов универсально одинакова, — богатых, сильных и иностранцев никто по-настоящему не любит* (А. Мигунов, Веранда для ливней).

К этому же классу относились на излете Советской власти и диссиденты: *Он решил больше не писать писем в ЦК, не распространять свои литературные опусы, не ездить в Москву, не общаться с диссидентами и иностранцами* (В. Н. Войнович, Монументальная пропаганда, 2000). Перефразируя классическое высказывание: сегодня на тебе иностранные тряпки, а завтра ты уже диссидент.

Иностранность конкретной особи градуальна: *Обычно иностранцев, к которым проявляется какой-то практический интерес, не досматривают, а тут мне было показано, что я если и иностранец, то далеко не первого сорта* (В. Н. Войнович, Антисоветский Советский Союз, 1992).

Создавая более комфортные условия для ребенка или иностранца, мы сами погружаемся в иллюзорный мир и можем в нем навсегда остаться: мать обречена донашивать детские вещи. Но такая установка вызывает протесты. Об опасности сюсюкания с детьми говорят педаго-

ги: ребенок так и не повзрослеет. А от безоглядной адаптации к чужим обычаям предостерегал Л. Н. Толстой, рассуждая от противного и приводя как образец «их» же нравы: *Японцы справедливо думают, что сношения с иностранцами и долженствующие последовать от них заимствования вредны для народа, не умеющего отличать блестящего от полезного* (Л. Н. Толстой, Дневники, 1853). В этой цитате призыв использовать передовой зарубежный (японский) опыт (вот она, презумпция чужеземной мудрости) звучит даже для преодоления этого чуждого опыта!

Отказаться от вопиющей несправедливости «облегченного режима» для иностранцев в быту пытались в 1930-е гг.: [...] *между искусством и прекрасным советским зрителем стали люди с лакейскими душами, люди, для которых слово «иностранец» значит больше, чем гордые слова «советский гражданин»* (И. Ильф, Е. Петров, Театральная история, 1935). Однако эта борьба, вдохновляемая идеей всеобщего равенства людей, увенчалась разгромным поражением ксенофобии, иначе не довелось бы нам слышать о «низкопоклонстве перед Западом» и в конце 1940—х гг., и в наши дни.

Аналогичное находим и на «западной» почве, в Германии и в Австрии, где *Ausländerei* «преклонением перед иностранщиной» по-диссидентски возмущались еще в XVIII—XIX вв. Напр.: [...] *die Ausländerei unserer sogenannten gebildeten Stände, nach deren Geschmack sich auch die Dichter richten mussten* «[...] иностранщина наших так называемых образованных слоев, на вкус которых и поэты должны были ориентироваться» (Karl Simrock, Die Edda: Die ältere und jüngere nebst den mythischen Erzählungen der Skalda); *Daher die berühmte deutsche Ausländerei, die im achtzehnten Jahrhundert ratlos bald nach England, bald nach Spanien und Frankreich und am liebsten nach dem französischen Altertum griff, das ihr lächerlicherweise als echt klassisch aufgeschwatzt und vorgeschossen wurde* «Отсюда знаменитое немецкое преклонение перед иностранщиной, которое в восемнадцатом веке беспомощно ориентировалась то на Англию, то на Испанию и Францию, а больше всего на французские древности, навязываемые в качестве пресловутой истинной классики» (J. von Eichendorff, Geschichte der poetischen Literatur Deutschlands, 1857).

Как хорошо, что другим тоже плохо! Но плохо все же по-другому: отношение к «иностранщине» для наших западноевропейских соседей — обычная установка, контрастирующая с неизбывной готовностью учиться и еще раз учиться хорошему даже у плохих соседей. Подсознание наших соседей не готово делиться добром (самим мало), а у нас все настолько плохо, но его так много, что и не жалко.

Итак, по презумпциям, находимым в русских литературных текстах, выявляются параметры недоадаптированной иностранности. Отбросив

заведомые противоречия, заключаем, что «типовому чужому» позволено больше, чем «своему», что проявляется как:

- экстерриториальность, физическая неприкосновенность,
- необязательность понимать «нашу действительность» и не вполне адекватное в ней существование,
- холеность, респектабельность и обладание красивыми предметами, а также жестами и хорошими манерами, позволяющие отнести иностранца к классу «шибко культурных», богатых и сильных,
- беспристрастность и высший уровень компетентности в области общечеловеческих ценностей,
- потенциальная враждебность, опасное знание наших слабых мест.

То есть, очаровательно-умный враг.

Разумеется, реалии сегодняшнего дня, а также политические столкновения подтачивают эту незамысловатую систему. Так, вряд ли мы готовы воспринимать своих бывших соотечественников по СССР как чужих «иностранцев», для нас они по-прежнему непривилегированные чужие, хотя больше и не свои.

Наиболее надежно на «ненашего» человека указывает небезукоризненное владение русским языком. Поэтому безакцентной речи явного (по иным признакам) иностранца искренне удивляются, воспринимая ее как самопожертвование, добровольный отказ от права на удовольствие плохо говорить и понимать по-русски: *Да, кстати, откуда ты так хорошо на русском лопочешь, хотя сам иностранец?* (Ю. Кондратьев, Городской миф, 2003). Больше соответствует ожиданиям неправильная речь по-русски: *Иностранцы говорят «битте-дритте», а он точно по-нашему говорит* (В. Н. Войнович, Москва 2042). Ср., от противного: *Чонкин был не иностранец, он понял, что Голубев говорит в переносном смысле* (В. Н. Войнович, Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина: Роман-анекдот, 1963—1969). «Не-иностранец», по презумпции, обязан свободно владеть русским языком, если только «не выпендривается», не валяет дурака.

Межэтническое вербальное общение отличаются от общения «между своими» следующие свойства [Dittmar, Stutterheim 1985: 131]: 1) из-за ограниченности лексического, грамматического, семантического, речеактивного запасов в неродном языке, собственно сообщение редуцируется или, наоборот, дается в расширенном и сверхпростом виде, «эксплицируется», 2) поправки в речи используются более широко, чем в общении между «своими», 3) более значимы и частотны сигналы обратной

связи и вопросы. Обращаясь к иноязычному собеседнику, доводят вербальный репертуар до комфортного минимума, а роль невербальных сигналов — взгляда, позы, жестов — возрастает. Вопросы, завоевание и удержание инициативы в диалоге, связанность, скорость и интонация речи функционируют не так же, как за пределами межэтнического общения, см. [Dittmar, Stutterheim 1985: 131].

Иначе говоря, общаясь с иностранцем — как и с ребенком, — мы адаптируем свою речь, самоотверженно жертвуя фонетикой, синтаксической правильностью и/или прагматической приемлемостью: используется особый регистр речи — *foreigner register* [McClure, Fritz 1982: 334], из которого иногда развиваются пиджины [Siegel 1987: 21]. Этот регистр проявлен на микроуровне (короткие и по возможности простые формулировки, устранение избыточных контекстно-зависимых категорий, употребление коротких и простых слов), на макроуровне (избегание сюжетов, вряд ли знакомых малолетнему и/или иностранному собеседнику) и на мезоуровне (на котором, например, повторы более допустимы, чем в обычном стиле) [Jakovidou 1994: 311]. Если в данном языке обязательна копула, ее в таком телеграфном стиле разговора с детьми и иностранцами (*baby and foreigner talk*) опускают [Ferguson 1971: 146].

Восприятие речи на чужом или не вполне освоенном языке — «большой напряг». Поэтому в щадящем режиме терпимо относятся к «замедленному пониманию» инородца, ср.: *И, поступая так, я уверен, что вы нашли бы большую радость, — говорил Нехлюдов, стараясь произносить как можно внятнее, так, как говорят с иностранцами или детьми* (Л. Н. Толстой, Воскресение, 1899).

А желчный юморист нашептывает в это время противоположный — «вредный совет» из-за угла: *Разговоры по телефону ведите на крике, с побагровевшим лицом, можно с матом, чтобы иностранец хоть что-нибудь понимал* (С. Альтов, Собачьи радости: Избранное, 1995).

Заключение

Как обычно и бывает, дефицит заметить легче, чем полную кондиционность. Неадаптированность и вербального, и невербального поведения, как и любая недостача, замечается быстрее, чем полная адаптированность. Нас больше интересует, чего еще не хватает в тексте и в супе, чтобы их можно было съесть. И что в поведении других нам кажется «не своим».

Поэтому эмпирическое исследование того, в чем состоит неадаптированность и неадаптируемость, много расскажет о том, как и что адаптировать, кому, когда и зачем.

Литература

- Демьянков В. З.* Приемлемость, уместность и адаптация текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 9—19.
- Демьянков В. З.* Чужеземная креативность русских макаронических стихов // Критика и семиотика, 2020. № 1. С. 73—91.
- Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков. 2е изд., перераб. и доп. Л., 1983.
- Чуковский К. И.* Живой как жизнь: Рассказы о русском языке. М., 1961.
- Apostel L.* Pragmatique praxéologique: Communication et action // Le langage en contexte: Etudes philosophiques et linguistiques de pragmatique / Ed. par Parret H. et al. Amsterdam: Benjamins, 1980. P. 193—315.
- Aylwin S.* Structure in Thought and Feeling. London; New York, 1985.
- Baumbach S., Michaelis B., Nünning A.* Introducing Travelling Concepts and the Metaphor of Travelling: Risks and Promises of Conceptual Transfers in Literary and Cultural Studies // Travelling Concepts, Metaphors, and Narratives: Literary and Cultural Studies in an Age of Interdisciplinary Research / Ed. by Baumbach M., Nünning A. Trier, 2012. P. 1—21.
- Bell A.* Good copy — bad news: The syntax and semantics of news editing // Applied Sociolinguistics / Ed. by Trudgill P. London etc., 1984. P. 73—116.
- Belyea B.* The notion of «equivalence»: The relevance of current translation theory to the edition of literary texts // La traduction: L'universitaire et le praticien: Congrès U. du Québec à Montréal 28—31 mai 1980 / Ed. par Thomas A., Flamand J. Ottawa (Canada), 1984. P. 39—47.
- Bergmann M.* Metaphorical assertions // Philosophical review. 1982. Vol. 91. № 2. P. 229—245.
- Coulmas F.* Language adaptation // Language adaptation / Ed. by Coulmas F. Cambridge etc., 1989. P. 1—25.
- Delisle J.* L'analyse du discours comme méthode de traduction: Initiation à la traduction française de textes pragmatiques anglais: Théorie et pratique. Ottawa, 1984.
- Derrida J.* Parages. Paris, 1986.
- Dijk T. A. v.* Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague etc., 1981.
- Dittmar N., Stutterheim Ch. Von.* On the discourse of immigrant workers: Interethnic communication and communication strategies // Handbook of Discourse Analysis: Vol. 4. Discourse Analysis in Society / Ed. by Dijk T. A. van. London etc., 1985. P. 125—152.
- Eco U.* Mouse or Rat? Translation as Negotiation. London, 2003.
- Ferguson Ch. A.* A sample research strategy in language universals // Working Papers in Language Universals. Stanford (California), 1971. Vol. 6. P. 1—22.
- Ferguson S.* Language Assimilation and Crosslinguistic Influence: A Study of German Exile Writers. Tübingen, 1997.

- Friedman V. A.* Toward a typology of status: Georgian and other non—Slavic languages of the Soviet Union // *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels: April 20—21, 1979: Including papers from the Conference on Non—Slavic languages of the USSR (April 18, 1979).* Chicago, 1979. P. 339—350.
- Garrett P.* *Attitudes to Language.* Cambridge, 2010.
- Gross J.* *Editing and its discontents // The State of the Language / Ed. by Ricks Ch., Michaels L. Berkeley etc., 1990. P. 282—288.*
- Jakovidou A.* Dimensionen der Verständlichkeit im „Foreigner—Talk“ // *Linguistische Berichte: Forschung, Information, Diskussion: The actual and progressive journal for all fields of the linguistics.* Braunschweig, 1994, Bd. 152. S. 301—313.
- Lang E.* *Semantik der koordinativen Verknüpfung.* Berlin, 1977.
- Lightfoot D.* *Principles of diachronic syntax.* Cambridge etc., 1979.
- Lyons J.* *Semantics.* Cambridge etc., 1977.
- Mailloux S.* *Interpretive Conventions: The Reader in the Study of American Fiction.* Ithaca; London, 1982.
- McClure E. F., Fritz M.* Children’s communicative tactics across language boundaries // *Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society.* Chicago: Chicago University Press, 1982. Vol. 18. P. 324—335.
- Mulken M.v.* Copyist behavior: Historical linguistics and text filiation // *Medieval dialectology / Ed. by Fisiak J.* Berlin; New York, 1995. P. 153—174.
- Sass C. P.* On interpersonal competence // *Interpretive approaches to interpersonal communication / Ed. by Carter K., Presnell M.* Albany, 1994. P. 137—157.
- Scheller—Boltz D.* *The Discourse of Gender Identity in Contemporary Russia: An Introduction with a Case Study in Russian Gender Linguistics.* Hildesheim, Zürich, New York, 2017.
- Siegel J.* *Language Contact in a Plantation Environment: A Sociolinguistic History of Fiji.* Cambridge etc., 1987. 324 p.
- Sommers J. D.* From sentence combining to whole essay revision: Theory into practice // *Sentence Combining: A Rhetorical Perspective / Ed. by Daiker D. A., Kerek A., Morenberg M.* Carbondale; Edwardsville, 1985. P. 151—158.
- Spitzberg B. H., Cupach W. R.* *Interpersonal communication competence.* Beverly Hills (California), 1984.
- Thomas J. H.* *Philosophy of Religion in Kierkegaard’s Writings.* Lewiston etc., 1994.
- Veale T, Brône G., Feyaerts K.* Humour as the *killer—app* of language: A view from Cognitive Linguistics // *Cognitive Linguistics and Humor Research.* Berlin; Boston, 2015. P. 1—11.
- Warren M. J.* Repunctuation as interpretation in editions of Shakespeare // *English Literary Renaissance.* 1977. Vol. 7. P. 155—169. Repr. // *A Reader in the Language of Shakespearean Drama.* Amsterdam; Philadelphia, 1987. Ed. by Salmon V., Burness E. P. 455—469.
- Weinberger E.* Anonymous sources: (On translators and translation) // *In Translation: Translators on Their Work and What It Means / Ed. by Allen E., Bernofsky S.* New York, 2013. P. 17—30.

V. Z. D E M Y A N K O V

Institute of Linguistics of RAS

On Parameters of Discourse Adaptation

Political texts and children's books normally must be adapted to conditions of their use in order to be properly understood and to influence opinions, attitudes, and actions of the target audience. Such adaptation may be effective to different degrees and involves subjects, objects, target audience, circumstances of communication and techniques of presentation or, praxeologically speaking, who adapts what for whom, when, where, and how. Not quite adapted discourses have specific effects in natural-language communication most important features of which are investigated in this paper using a large corpus of Russian literary texts. Stereotypes of alien behaviour and of alien appearance vary from culture to culture and include both linguistic and extra-linguistic features.

Key words: text adaptation, interpretation, translation, verbal vs. non-verbal communication, sociology of linguistic behaviour